

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Германия, остров Узедом, секретный
ракетный центр Пенемюнде, концлагерь*

Карлсхаген — военный аэродром

7–8 февраля 1945 года

К концу войны немцы стали относиться к пленным немного бережнее. Как-никак рабочая сила — бесплатная, крайне необходимая, потому за любую провинность уже не расстреливали, не вешали, как прежде. Так же гоняли от зари до зари, выжимая последние соки, не давали толком отдыхать, но казнили только за исключительные провинности, к примеру, за попытку побега. Тут уж если попался — готовься к самому страшному. Могут не просто расстрелять, а показательно перед строем отдать на растерзание собакам или забить до смерти прикладами. Способ всецело зависел от изуверской фантазии лагерфюрера.

Кормили в 1945-м тоже крайне плохо. Видать, нормальной провизии самим не хватало. Который день на обед в бараке, именуемом «столовой», заключенные получали по небольшой порции баланды, по три крохотные картофелины и по маленькому кусочку непонятной темной субстан-

ции, называемой хлебом. После такого «сытного» обеда каждое движение из-за слабости давалось с трудом. А двигаться под гневные окрики охранников все же приходилось.

В этот день Девятаев с Кривоноговым работали на аэродроме. Перед побегом им надлежало определиться с составом группы, поэтому их товарищ — Владимир Соколов, занимавший должность помощника капо, — включил их в одну бригаду. Здесь во время работы можно было спокойно поговорить, обсудить планы. Вахтман, как правило, прогуливался в поле зрения, но близко к объекту работы не подходил. Другим заключенным было все равно, о чем треплются товарищи.

Разравнивая на грунтовке специальную смесь, советский летчик говорил отрывисто и с придыханием:

— Четверо нас, Ваня. Всего четверо. Костяк. Мы с тобой, Вовка Соколов да Немченко.

— Согласный я: маловато. Вдруг охранника не получится уговорить с первого раза? Тогда придется остальным навалиться. А ежели бугай попадетсЯ? Раскидает нас, как детвору, и хана нашему побегу, смекаешь? Надо бы пораскинуть мозгами, — освобождал последнее ведро Ванька Кривоногов.

Девятаев еле передвигался. Болели от побоев спина, руки, голова. Напарник знал это, пони-

мал его состояние и всячески старался облегчить страдания.

— Давай-ка сюда свои ведра. Пройдись налегке, — предложил он.

Михаил отдал товарищу пустые ведра, поглядел в серое небо и продолжил:

— Верно говоришь. Ничего путного не выйдет из нашей задумки, если попытаем счастья в таком составе. Чтоб немца-охранника завалить, нужен такой здоровяк, как Петька Кутергин.

— Согласный. Петька подойдет. Еще могу посоветовать Мишку Емеца.

— Я о нем тоже думал. Надежный мужик.

— Политрук — одно слово. Значит, берем?

— Берем. Итого, шестеро. Еще бы надо несколько человек.

— Неужто опять мало?! — подивился Кривоногов.

— Мало.

— К чему больше-то? Охранника-вахтмана вшестером точно одолеем, а самолету хватит ли силенок поднять всех в воздух?..

Ванька Кривоногов был, как говорится, своим в доску. Чуть выше среднего роста; несмотря на худобу, крепкий и широкоплечий. Живой, подвижный, неутомимый. И что особо ценно: не падающий духом даже в самой аховой ситуации. Родился Иван в селе Коринка под Нижним Новго-

родом. Учился, работал, ушел на военную службу в пограничные войска, да так на границе и остался. Армейский путь начал в знаменитой Шепетовке, а в двадцать четыре года принял на себя удар гитлеровских войск на берегу пограничной реки Сан. В звании лейтенанта командовал небольшим гарнизоном ДОТ (долговременной огневой точки) и сдерживал атаки врага под ураганными обстрелами до первых чисел июля 1941 года. Из пятнадцати защитников точки в живых осталось четверо, да и те были завалены бетонными обломками разбитого сооружения. Так тяжелораненый и обожженный Иван и угодил в плен. По лагерям скитался под вымышленным именем Иван Корж, выдавая себя за выходца с Украины.

— Силенок-то? Конечно, хватит! Пойми, Ванька, это ж боевые двухмоторные бомбардировщики, а не перкалевые «По-2», — кивнул Девятаев в сторону самолетной стоянки. — Они по три тонны бомб на борт принимают и забираются с ними на восемь с половиной тысяч.

— Ого! Хватает же мощи!

— Вот тебе и «ого»! Так что всех поднимет — не дрейфь. А вот попотеть нам придется, чтоб завести моторы незнакомой машины и заставить ее взлететь.

Вместе они сходили к куче смеси, набрали ее в ведра и вернулись к грунтовке.

— Вспомнил! Олейник и Колька-малец! — забыв об осторожности, воскликнул Кривоногов.

Девятаев замер с длинной палкой в руках. Покосившись на стоящего неподалеку охранника, тихо спросил:

— Ты чего разорался?

— Так он же ни в зуб по-нашему. И к тому же он этот... — запнулся Иван. Потом сплюнул под ноги: — Тьфу ты! Язык сломаешь! Ландесшютцен! Ополченец...

В 1945 году немецкие войска испытывали ощутимую нехватку личного состава. Все, кто мог держать в руках винтовку или фаустпатрон, отправлялись на фронт, а охрану таких лагерей, как Карлсхаген, поручили частям ландесшютцена. Эти военизированные части являлись территориальным ополчением, куда набирались не годные для полноценной армейской службы мужчины.

— Олейник — подходящая кандидатура, — прошептал Девятаев. — И Колька-малец — толковый парень, первый, с кем я познакомился в этом лагере. Обоих можно взять.

— А Федька Адамов? Тоже кремень-мужик. И несуетливый.

— Ага. Это девять.

— А сколько всего-то надо?

— С десяток был бы в самый раз.

— Ну, зачем же так много? — громким шепотом возмущался Кривоногов.

— Понимаешь, аккумуляторных батарей может не оказаться на борту. Их перед холодами механики загодя в тепло относят, чтобы заряд не теряли.

— Так есть аккумуляторные тележки! Видел такие?

— Видел. А вдруг не будет такой поблизости? Придется искать аккумуляторы, таскать их и устанавливать на самолете. А они по два пуда каждый!..

В этот день на аэродроме близ испытательного полигона немецкого ракетного центра Пенемюнде проводились плановые работы по маскировке. Бригада, в которую попали Михаил Девятаев и Иван Кривоногов, состояла из десяти заключенных. Полдня они в паре таскали в ведрах специально приготовленную смесь, высыпали ее в колею на размокшей грунтовке и разравнивали деревянным приспособлением, напоминавшим широкие грабли. Смесь имела темный цвет и состояла из песка, грунта и мелкой морской гальки. Поэтому после выполненных работ дорога буквально «исчезала», сливаясь с окружающим ландшафтом.

— Тогда согласный, — кивнул Иван. И тотчас припомнил: — А сосед твой по нарам — Тимоха Сердюков?

Михаил поморщился:

— Больно уж беспокоен.хлопот с ним не обещаться.

— Так-то с виду нормальный мужик.

— Ладно, держим его про запас. Возьмем, если недобор случится...

Друзья в очередной раз вернулись к высокой куче, вооружились лопатами и принялись наполнять ведра сыпучей смесью. Рядом работала другая пара заключенных, и важный разговор о скором побеге пришлось прервать...

— Хватит-хватит! — остановил Михаила товарищ. — Бери по полведра. А я возьму полные.

Нагрузившись смесью, они потащили ее к грунтовой...

* * *

К концу рабочего дня состав группы определился. Помимо сложившегося костяка — Девятаева, Кривоногова, Соколова и Немченко, — группа должна была усилиться Федором Адамовым, Иваном Олейником, Михаилом Емецем, Петром Кутергиным, Николаем Урбановичем и Тимофеем Сердюковым. Трое из десяти были офицерами: Девятаев, Кривоногов и Емец. Остальные — сержанты и рядовые. А Коля Урбанович и вовсе попал в плен мальчишкой, оттого и звался Колькой-мальцом.

Между вечерним построением и отбоем у заключенных было полчаса на посещение туалета и приведение в порядок одежды. Четверка друзей неторопливо направилась в сторону деревянного сооружения с отвратительным запахом. Девятаеву нельзя было попадаться на глаза охране — он был приговорен к «десяти дням жизни». Сегодня истекал седьмой день. Семь дней сплошных побоев и издевательств со стороны охраны и сотрудников администрации лагеря.

Товарищи понимали: не каждый такое выдержит — и всячески оберегали его. Девятаев был летчиком-истребителем, попавшим на остров Узедом благодаря счастливой случайности. Здесь о его военной специальности никто не знал, кроме узкого круга надежных друзей. Если все получится, то завтра Михаилу придется сесть за штурвал тяжелого бомбардировщика, поднять его в воздух, пролететь несколько сотен километров и произвести посадку на занятой советскими войсками территории. И никто, кроме него, это сделать не сможет.

— ...Почему не сказать-то? Почему?! — кипятился Кривоногов. — Они ж все проверенные! Все в одной связке с нами!

— Чем меньше народу посвящено в наш план, тем лучше, — резонно заметил Соколов. — Предлагаю объявить им о побеге в последний момент.

— Мы же сами их цельный день отбирали!

— Неважно. Ты же знаешь, сколько среди заключенных провокаторов и как проворно они работают.

— Да какие же они провокаторы, ежели мы с Мишкой лучших выбрали?

— Не заводись, Ваня, — поддержал Соколова Девятаев. — Чего торопиться? И зачем людей понапрасну волновать? Завтра по пути на аэродром и скажем. Главное — попасть в одну аэродромную команду...

— Тихо, братцы, — предупредил Володя Немченко.

После неудачного побега Немченко лишился одного глаза. Однако и оставшимся он пользовался на все сто, подмечая порой весьма полезные вещи.

Подтягивая на ходу штаны, из туалета выскокил юркий мужичок из соседнего барака — дружок бандита Кости-моряка. Над расстегнутым воротом рубы чернела наколка «Слон 1930—1940 ББК». Кажется, это означало, что данный «стахановец» некоторое время жил на Соловках, а также строил Беломорско-Балтийский канал. Проходя мимо, он злобно зыркнул на молчавших мужиков, сплюнул сквозь зубы и, насвистывая что-то из репертуара криминальной Одессы, двинулся по галечной дорожке.

— Еще один блатной, — процедил Девятаев. Кривоногов, думая о своем, отмахнулся:

— Ладно, братцы, чего спорить из-за ерунды? Завтра так завтра. Только ты одно скажи: те обязанности, что ранее перечислил, остаются на нас троих?

Весь прошедший месяц Михаил посвящал товарищей в тонкости летной работы. Рассказывал о предполетной подготовке машины, о запуске двигателя, о вырубивании и взлете. Заодно заранее распределил обязанности: кто свинчивает с рулей высоты ограничительные трубки, кто снимает с моторов брезентовые чехлы, кто выбивает из-под колес колодки и открывает люк грузового отсека...

— Да, Ваня, все это предстоит сделать вам троим. А я буду заниматься в кабине подготовкой к запуску моторов, — ответил летчик.

— Успеем ли? Каждая секунда будет на счету.

— Надо успеть.

— Ладно. Согласный я. Лишь бы утечь отсюда поскорее.

— Давно бы так, — проворчал Соколов. — Дальше нам с Володькой нужно сделать так, чтобы утром вся группа попала по разнарядке на аэродром в одну бригаду.

Немченко уверенно кивнул:

— Сделаем. Охранникам наплевать, кто из нас где работает.

Замечание было справедливым. За распределением нарядов на работу куда ревностнее следили блатные, коих в лагере Карлсхаген набиралось около трех сотен. Эти наглые типы сбивались в дружные банды и были на редкость организованны. Они захватывали самые легкие наряды и вообще умели обеспечить себе приемлемую жизнь за счет других. К примеру, ходили истопниками в котельную, подряжались дежурить по кухне или подметать жилые бараки. Остальным же доставалась каторжная работа на «свежем воздухе». Так военнопленные называли плановые мероприятия по маскировке аэродромных объектов и техники, засыпку воронок от разрыва авиабомб, разгрузку грузовых железнодорожных вагонов, тяжелые ремонтные и восстановительные работы.

— Сделаем, — еще раз повторил Немченко и легонько хлопнул по плечу Девятаева: — А дальше, Миша, все будет зависеть от тебя.

— Не только от меня, — посмотрел тот на низко плывущие тяжелые облака. — Как удача повернет, мужики. И еще погода. Если завтра будет такая же низкая облачность или опять сыпанет снежный заряд, то побег придется перенести.